

Перелыгин Николай Иванович

Божья мысль

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Иванович П.**
Божья мысль / Перелыгин Николай Иванович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 44 с.

ISBN 978-5-521-27624-0

ISBN 978-5-521-27624-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Посвящается

МОИМЪ МИЛЫМЪ ДѢТКАМЪ,

Сашко и Марусь.

БОЖЬЯ МЫСЛЬ.

I.

На площадкѣ, близъ старой, покосившейся на бокъ, хатки, стоявшей особнякомъ въ маленькой деревенькѣ, Голубовкѣ, на берегу Днѣпра, играло трое дѣтей. На небольшомъ дворикѣ не замѣтно было и признака какого либо хозяйства, полуразвалившіеся сараи и клуны стояли пустые, двори ихъ едва держались на оторванныхъ петляхъ, ни телѣгъ, ни какихъ либо земледѣльческихъ орудій ничего не было видно,—все изобличало здѣсь отсутствіе заботливой руки доброго хозяина. А весеннее яркое солнышко весело свѣтило и пригрѣвало только что оттаявшую землю: оно какъ бы и не замѣчало царившихъ

здѣсь бѣдности и запустѣнія, ярко обливая своими благодатными лучами все, до чего могло коснуться. Исхудалыя и заморенныя дѣти, въ заплатанныхъ рубашонкахъ были не веселы, игры ихъ вялы и апатичны. Впрочемъ играло только двое дѣтей: дѣвочка, лѣтъ семи и мальчикъ трехъ лѣтъ. Первая строила брату хатку изъ чурочекъ, а послѣдній подавалъ ей эти чурочки, радуясь и хлопая въ ладошки по мѣрѣ приближенія постройки къ концу. Старшая же дѣвочка, лѣтъ девяти, не принимавшая участія въ игрѣ, сидѣла въ сторонкѣ, обхвативши свои худенькія колѣнки, еще болѣе худенькими ручками и опустивши внизъ бѣлокурую головку. По временамъ, когда она поднимала ее, на ея хорошенькомъ личикѣ можно было видѣть глубокую печаль и не дѣтскую думку точно такъ, какъ черная тучка, пробѣгая мимо солнышка, затмеваетъ его сіяніе.

— Олесья!—крикнула младшая дѣвочка плаксивымъ голосомъ:—Посмотри,—Сашко опять разломалъ мою хатку, а я такъ старалась ее построить!

Старшая дѣвочка вздрогнула.

— Зачѣмъ ты это дѣлаешь, Сашко!—сказала она съ упрекомъ.

— А для чего же Мелася сдѣлала хатку безъ оконъ,—хатки безъ оконъ не бываютъ,—оправдывался мальчикъ, капризно надувъ губки.

— Я окна не умѣю дѣлать,—у меня нѣтъ стеколъ, какъ же я безъ нихъ сдѣлаю? Я больше не стану строить: ты не хорошій мальчикъ, дѣлай самъ, какъ знаешь,—отвѣтила Мелася, сгребая въ кучку разсыпанныя чурочки.

— А я пойду мамѣ скажу!—заплакалъ Сашко, всталъ и побѣжалъ въ хату.

— Мама, мамуся! Мелася не хочетъ мнѣ дѣлать хатку,—закричалъ онъ еще съ порога, подбѣгая къ матери, которая лежала на лавкѣ, покрытая дырявымъ кожухомъ.

Мать не отвѣчала,—она была больна и только что передъ тѣмъ заснула.

— Мама, слышишь что ли? Что ты все спишь! Вели Меласѣ играть со мной,—не унимался Сашко, толкая мать.

— Чего тебѣ, милый?—спросила больная слабымъ голосомъ, очнувшись отъ забытья.

— Вели Меласѣ играть со мной,—она не хочетъ,—хныкалъ мальчикъ.

— Поди, дружокъ, она будетъ.

— Нѣтъ, она сказала, что не станетъ.—Мама, дай мнѣ хлѣбца!—вдругъ круто повернулъ Сашко:—Я ѣсть хочу.

— Скажи Олесѣ: она дастъ.

Сашко побѣжалъ и черезъ минуту вернулся съ Олесей и Меласей.

— У насъ нѣтъ хлѣба, мамуся,— тихо сказала Олеся, подходя къ матери.

— Охъ, Господи!—какъ бы простонала больная и на минуту закрыла глаза.

А Сашко все приставалъ къ Олесѣ, прося у ней хлѣба, ссылаясь на то, что мать приказала ей дать.

Бѣдная дѣвочка не знала, что ей дѣлать: хлѣба не было ни крошки, она сегодня утромъ послѣдній кусокъ раздѣлила между братомъ и сестрой, а себѣ ничего не взяла, удовольствовавшись глоткомъ воды.

— Олеся!—черезъ минуту позвала больная.

— Что, мама? спросила дѣвочка.

— Посмотри тамъ, въ ларѣ,—не осталось ли немного муки? Если наберешь, то свари болтушку.

— Хорошо, мама.

Олеся, захвативъ съ собой деревянную чашку, побѣжала въ клуню; Мелася и Сашко послѣдовали за ней.

— Болтушку! Болтушку!—кричалъ Сашко, подпрыгивая на одной ножкѣ.

Олеся, къ великой радости, наскребла горсти двѣ муки.

Принеся въ хату, она развела таганецъ, вскипятила воды и всыпавъ туда муку и бросивъ щепотку соли, сварила болтушку.

Все трое съ жадностью поѣли ее и, когда уже доканчивали, спросили у матери—не хочетъ ли и она, но больная отказалась и только попросила дать ей напитокъ.

Поѣвъ болтушки, дѣти повеселѣли.

Но передъ вечеромъ голодъ снова началъ мучить ихъ и двое меньшихъ опять приступили къ матери съ просьбою дать имъ хлѣба.

Бѣдная, безпомощная въ своей болѣзни, женщина, не могшая подняться съ лавки, не знала что дѣлать, гдѣ взять дѣтямъ хлѣба.

— Господи! за что Ты меня покинулъ?—вамолилась она, и крупныя, жгучія слезы полились у ней изъ глазъ.

А дѣти все приставали:

— Мама, дай хлѣбца! Мама, дай хлѣбца!

Ихъ просьба надрывала ей душу.

— Олесья!—кликнула она старшую.—Посмотри тамъ, въ скрынѣ, красный шелковый платокъ,—достань его.

Олесья исполнила ея приказаніе и принесла ей платокъ.

Этотъ платокъ, когда то, во времена достатка, подарилъ ей покойный мужъ въ день ея Ангела, и она такъ берегла его, сохранивъ его совсѣмъ новымъ! Она хотѣла сберечь его для Олеси...

Но дѣти просятъ хлѣба, а другого ничего нѣтъ, что бы она могла заложить и купить имъ хлѣба.

Бѣдная женщина въ послѣдній разъ взглянула на свое сокровище и, отдавая его Олесѣ, сказала:

— Поди, дочка, отнеси его къ лавочнику и заложи, а на полученные деньги купи муки, хлѣба и сала.

— А сколько, мама, онъ дастъ за него!—спросила Олеса, складывая платокъ.

— Не знаю, дочка. Твой батько заплатилъ за него, я помню, два карбованца. Пусть дастъ хотя одинъ; ты попроси его, скажи, что это послѣднее, что у насъ есть, чтобы пожалѣлъ васъ, малыхъ дѣтокъ и меня больную.

— А если онъ не дастъ карбованца, какъ тогда быть?

— Ну, тогда возьми, что дастъ. Что-жъ дѣлать,—надо же купить хлѣба. Больная глубоко вздохнула.

— Хорошо, мама, я попрошу.

— Только ты поскорѣй возвращайся, милая,—добавила мать.

— Сейчасъ, мамуся, я скоро.

И дѣвочка, поцѣловавъ мать, убѣжала.

Черезъ полчаса она возвратилась въ сопровожденіи лавочнаго мальчика, который принесъ полпуда муки, десять фун. хлѣба и полтора ф. сала. Онъ сложилъ все это на столъ и ушелъ.

— Вотъ, мамуся, я все купила!—весело сказа-

ла Олеся:— Лавочникъ далъ пять злотыхъ (75 к.), я насилу выпросила— все давалъ только четыре. Пять копеекъ у меня осталось.

— Ну, дѣточка, и то слава Богу! — сказала мать:—А теперь вы возьмите поѣшьте и мнѣ дайте маленькій кусочекъ хлѣбца.

— А я, мамуся, тебѣ два бублика принесла! Лавочникъ сказалъ мнѣ: твоя мать больная — это ей лучше будетъ.

И Олеся торжественно, съ улыбкой подала матери два бублика.

— Спасибо дочечка, спасибо родная.

— Олеся! Олеся!—иди скорѣй! кричали Мелася и Сашко,—окруживъ хлѣбъ и сало и отколупывая отъ нихъ кусочки. Аппетитъ ихъ еще болѣе разыгрался отъ вкуснаго сала. Они весело прыгали вокругъ стола.

Олеся живо отрѣзала имъ по ломтю хлѣба и дала по кусочку сала, такую же порцію взяла она и себѣ.

Дѣти снова повеселѣли.

Покончивъ ѣду и подобравъ всѣ крошки, они помолились Богу и поблагодарили мать. А затѣмъ вскорѣ всѣ спокойно улеглись спать; только не спала одна больная, мучимая не столько болѣзнью сколько тяжелою, угнетающею мыслью о своемъ крайне безвыходномъ положеніи.

II.

е звали Одаркой. Она еще молода, ей не болѣе тридцати лѣтъ. Но, вотъ, уже годъ, какъ она потеряла своего мужа, Грицько, съ которымъ прожила двѣнадцать лѣтъ мирно, тихо и любовно. Грицько былъ добрый мужъ, хорошій отецъ и трудолюбивый, заботливый хозяинъ. Они жили не богато, но и безъ нужды и, быть можетъ, прожили бы еще такъ долго, долго, еслибъ Господь не наслалъ на нихъ несчастія. Года три тому назадъ, Грицько поѣхалъ съ товарищами въ лѣсъ рубить дрова. Подрубая одно дерево, Грицько не остерегся, и дерево упало на него, придавивъ его своей тяжестью. Когда товарищи вытащили его изъ подъ дерева, то оказалось, что грудь Грицьки вся разбита. Его свезли въ больницу, гдѣ онъ пролежалъ нѣсколько мѣсяцовъ. По выходѣ изъ больницы, Грицько, прежде здоровый и румяный, а теперь